

Юлия
РЕЗНИК

Сильная
и НЕЗАВИСИМАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Резник

Сильная и независимая

<https://litres.ru/74496552>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда муж заявил о разводе, я не умерла, а переродилась. Вместо того, чтобы рыдать в подушку, я решила жить свою лучшую жизнь.

Пока бывший судорожно пытался справиться с «сюрпризом» — детьми, оставшимися из упрямства с предателем, я раскручивала новый бизнес, встречалась с подругами и, о боги, начала ходить на свидания.

Молодой нахал из спортзала, чья улыбка сбивает мой пульс, или роскошный миллиардер, готовый вложить в мой проект целое состояние? Решать только мне. Я свободна, сильна и независима.

Впрочем, иногда меня догоняет мысль: что если эта мантра — не больше чем хлипкий щит, за которым скрывается банальное желание быть любимой? И кто станет тем, кто рискнёт пробить его насквозь?

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	26
ГЛАВА 4	37
ГЛАВА 5	48
ГЛАВА 6	59
ГЛАВА 7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юлия Резник

Сильная и независимая

ГЛАВА 1

– В общем, так, Юль, скажу как есть, потому что слишком тебя уважаю, для того чтобы... – не договорив, Эдик проводит пятерней по подергивающейся от нервного тика щеке. Мы женаты пятнадцать лет – все его жесты, ужимки и взгляды я читаю как открытую книгу. Прямо сейчас мой благоверный на нервяке. Становится даже любопытно, что такого могло случиться? Снова дети? Первым делом неизбежно грешишь на них, да только если бы Сергей с Лешкой опять что-нибудь отчебучили, я бы узнала об этом первой. Значит, тут другое. Но что? В последний раз Моисеев так бесился, когда наш стафф Бакс сожрал его новый портфель от Гуччи. Кстати, о Баксе, что-то он притих – не к добру.

Вскочив со стула, выбегаю из кухни в холл. Ну, конечно!

– Эдик, блин! Какого черта ты опять бросил мусор?! Посмотри теперь! – причитаю, хватаясь за веник, который муж в ту же секунду выхватывает из моих рук и с психом отшвыривает в сторону.

– Твою мать, Юль! Ты можешь никуда не бежать хоть минуту?!

Округляю глаза, глядя на сотрясающуюся от переизбытка эмоций грудь благоверного. И, наконец, понимаю, что у него и впрямь случилось что-то серьезное. Не просто же так он психует? Тем более так, что я уже всерьез опасаясь за его внутричерепное давление.

– Я бы с радостью. Но мой ритм жизни совершенно не располагает к праздности, – примирительно вздыхаю, бросив угрожающий взгляд на заискивающе косящегося на нас из-за угла стаффа. Ну, ведь только его выгуляла, а? Вот же неугомонный! Не зря я была против собаки. Знала, что энтузиазма Моисеева и сыновей хватит лишь на то, чтобы завести животное, а заботы о нем, как и весь наш быт, лягут на мои хрупкие плечи. И ведь не ошиблась.

– Об этом я и говорю.

– О чем?

– О том! Мы все бежим, бежим, а куда и зачем – непонятно. Я на работе целыми днями, ты... Мы даже не видимся толком. И так год за годом.

– Ясно. Ну, и что ты предлагаешь? Ничего не делать?

– Нет. – Эдик делает тяжелый вдох, запрокинув к потолку голову. Проследив за ним взглядом, я делаю себе пометку все-таки пригласить маляра. Давно напрашивается ремонт, ну и что, что это квартира свекрови?

– Короче, Юль, не буду тянуть кота за яйца. Я встретил другую. Чувствую, что серьезно. Тебя обманывать не хочу. За спиной что-то делать – тоже. Поэтому говорю как есть

на берегу. До того как наши отношения скатятся в грязь и пошлость.

А? Приоткрыв рот, стою, как дура, глазами хлопаю.

– Ты меня слышишь, Юль?

– Да, – сиплю. – Что значит – другую?! Кого?

– Ты ее не знаешь. Да и какая разница?

– Аа-а-а... – «глубокомысленно» изрекаю я. – И что теперь?

Мне действительно непонятно.

– Думаю, нам лучше расстаться.

– То есть какая-то мокрошелка для тебя важнее меня, сыновей и пятнадцати лет нашего брака?

– Юль! Ну чего сразу мокрошелка? – морщит идеально ровный нос Моисеев. – Ариша хорошая девочка... И при чем здесь сыновья? Это вообще разные плоскости отношений.

Не знаю, смеяться мне или плакать. Эдик серьезно подготовился к нашему разговору. Может, даже подписался на каких-то психологов в инсте. Откуда-то же он взял эту ахиною про плоскости...

– Девочка? Молодая, что ли? В этом все дело? Я недостаточно стараюсь?

В какой-то нездоровой истерике оглядываюсь. В отражении окна, отлично сглаживающем дефекты, неизбежно присущие возрасту, я выгляжу так, что не придраться. Без всяких преувеличений. Ну, во-первых, спасибо генетике, во-

вторых, я все-таки визажист с многолетним опытом, в-третьих, я много работала над собой и своей внешностью, потому что внешний вид, какую бы нишу ты ни занимал в индустрии красоты – твоя визитная карточка. Так какого хрена, простите?! Чего еще тебе, мудаку, надо?

– Молодая, да. Нежная, умная. Очень хорошая. Ты не думай, что я... – Эдик пожал плечами, – повелся бы на эскортницу, которой от меня только бабки нужны.

– М-да... – растерянно мычу я.

– В общем, я к чему веду, Юль? Мы с тобой люди цивилизованные. Смысл сратья, да? Нам еще детей растить вместе...

– Точно, – машинально киваю, ощущая каждой клеткой своего тела приближение конца. Это как лавина в горах. Посреди погожего солнечного дня... смертоносная ледяная лавина. Обнимаю себя за плечи, чувствуя ледяное дыхание смерти.

– Так что предлагаю расстаться по-хорошему. Без вот этого всего... Ну, ты знаешь.

– Ага.

– Главное, подруг своих конченных не слушай, а то они насоветуют. Особенно Рындицу.

Упоминание моих бэсти действует на меня, как мулета то-реадора – на быка. Становлюсь в стойку, натурально оскалив зубы:

– У меня нормальные подруги.

– Ладно, – Эдик примирительно вскидывает ладони. – Это сейчас вообще дело третье, – смотрит на часы. Точно! Мне же еще ехать за сыновьями! А как? В таком состоянии. Да и потом что? Как им рассказать? Какие подобрать слова, чтобы объяснить то, что я сама, мать его так, осознать не в силах!

– Так, стоп, Эдик. Погоди... Развод разводом, но как ты планируешь жить дальше? Где?!

– Здесь. Ты прости, Юль, но это квартира моих родителей. Они не поймут, если я ее разменяю.

– То есть мне надо съехать.

– Тебе есть куда. Что ты драматизируешь, как будто я тебя на улицу выгоняю?

– Ясно...

На эмоциях выбегаю из кухни. Достаяю из кладовки огромный чемодан, с которым мы обычно ездим в отпуск, и, гремя колесами по ламинату, оттаскиваю его в спальню. Эдик на кой-то хрен прется за мной. Боится, как бы я его не обобрала? Смешно! Да и глупо к тому же, потому как нет у него таких мыслей. Просто мне сейчас хочется думать о нем самое худшее. Иначе как выжить? Как признаться себе, что облажалась по всем фронтам?! Что пятнадцать лет моей жизни просто в один момент в унитаз смыли?! Господи. А я ведь из тех дур, что думали, будто с ними это никогда не случится. Вот это облом, м-да.

– Ты не торопись, Юль. Я тебя не выгоняю. Тем более нам еще предстоит объяснить развод детям.

Откинувшись на стену, Эдик устало потирает лицо.

– Вот и объясняй, – киваю я, сдув упавшие на лоб волосы.
– В конце концов, это твоя инициатива. Кстати, через полчаса их нужно забрать с тренировки. По дороге все и расскажешь. А я как раз... – суетно оглядываюсь, – закончу со сборами.

– Может, не надо так резко, а, Юль? – теряет уверенность Моисеев.

– Ты же сам сказал, что тянуть нет смысла.

– Юля...

– Эдик, вот только не начинай! – рывкаю я, выжигая этой ослепляющей вспышкой ярости остатки сил. – Заканчивай то, что начал. Будь, мать твою, мужиком...

– Я как лучше хотел, – давит он. – Но тут такая ситуация, что как ни поступи – все какое-то дерьмо получается. Прости, Юль. Я до последнего с собой боролся.

– Но любовь сильнее, да? – тайком стираю скатившиеся на кончик носа слезы и вжимаю молнией. На первое время вещей мне точно хватит, а для того, чтобы вывезти остальное, можно и специальную фирму нанять. Слава богу, не в деревне живем, здесь каких только услуг не оказывают.

Господи, а ведь еще каких-то двадцать минут назад я была уверена, что из этой квартиры меня вынесут только вперед ногами. Сколько копий мы сломали об это. Сколько споров было. Я хотела жилье в новостройке – да, дальше, но за те же деньги гораздо просторнее, и планировку можно было сде-

лать какую хочется. Не то что здесь! Комнаты как клетушки. И толку, что их четыре? А этот пятнадцатиметровых холл – так вообще пустая трата полезной площади. Впрочем, это уже не мои проблемы. Не мои... Жесть. Просто в голове не укладывается. Это же сейчас столько сплетен будет! А-а-а-а! Как их пережить? Но главное, все же суметь расстаться, не нанеся травму детям.

– На твой салон я претендовать не буду.

Ну, ошалеть. Я вскидываюсь, откуда только берутся силы!

– Еще бы ты претендовал.

– Но ты на мой бизнес не будешь претендовать тоже.

– Да подавись ты им! – шиплю зло, сгребая косметику в сумку поменьше. Тут исключительно то, чем я сама пользуюсь. Рабочий кейс остался в салоне.

– Юль, мы хотели мирно разбежаться, помнишь? – патетично взывает ко мне... кто? Бывший муж? Так ведь еще не бывший. Наверное, можно сказать – отец моих детей? Да, пожалуй, пока это оптимальная замена.

– Хотел ты, Эдик. Не надо перекладывать с больной головы на здоровую. И кстати, если ты сейчас не выедешь, то опоздаешь.

– Ч-черт!

– Я переночую на Вишневого. Детей привози туда, как соберетесь.

– Думаю, ты должна присутствовать при нашем разговоре, так они почувствуют себя защищенными.

– Думай что хочешь. А я не собираюсь облегчать твою участь, делая вид, что меня не ранят твои поступки.

– Разве я просил тебя врать?!

– Боюсь, если я честно скажу, что думаю, мнение сыновей о тебе сильно испортится. Так что для тебя же будет лучше дать мне время остыть. Я серьезно, Эдик. Просто оставь меня в покое.

– Как знаешь, – в конце концов, соглашается Моисеев, недовольно насупив брови.

Первый свободный вдох с начала нашего разговора я делаю, лишь когда за ним закрывается дверь квартиры. А отдышавшись, хватаю телефон и пишу, с трудом попадая на виртуальные кнопки, в наш чат с подругами:

«Девки, меня Эдик бросил».

Сообщество под поэтическим названием «Чат сучат» оживает мгновенно. Пишет и Алла, и Лерка, и даже недавно к нам присоединившаяся Стася. Хотя обычно она робеет, как и всякий новенький в уже сплотившемся коллективе.

«Он жив? Или приезжать с лопатой?» – юморит Аллочка.

«А я тебе говорила, помнишь? Марс в асценденте к...» – частит Лерка, как всегда, разбивая единый текст на короткие сообщения.

«Лерка, даже не начинай эту эзотерическую поебень!»

«Да я же к тому, что это все несерьезно. Напряжение планет совсем скоро пойдет на убыль, и вы непременно помиритесь».

«ОН ВЛЮБИЛСЯ», – кричу капслоком, обозначая сразу масштаб проблем.

«И при этом до сих пор жив?» – не сдается кровожадная Алка. Смеюсь, затыкая ладонью рвущиеся из горла рыдания. Мои девочки. Господи, как хорошо, что они у меня есть. Мужики приходят и уходят даже после пятнадцати совместно прожитых лет, а эти со мной в любой жопе. Вот где постоянство.

«Где сбор? И сколько брать бутылок?» – от Стаси приходит голосовое. – «Простите, я за рулем».

«Пить не будем. Нам нужны свежая голова и трезвый расчет», – отрезает Аллочка.

«Так уж и нужны?»

«Конечно, надо покумекать, как развестись красиво. И побольше с этого гада содрать, чтобы ему жизнь малиной не казалась».

«Не хочу я ничего! Только свой салон. А в остальном... Да, вина. Бутылки три, я думаю».

«Когда Алла застучала своего Котика с другой бабой, я после трех еще три раза в магазин бегала!» – льется возмущенный голос Стаси. Где-то на заднем фоне сигналят машины, и ведет обратный отсчет светофор. И мне так странно становится от того, что там, в большом мире, ничего и не изменилось. Это у меня, считай, вся жизнь рухнула.

«Ну, ты самая младшая. Кого нам еще гонять? Не мне же, старой больной женщине, таскаться по магазинам?» – воз-

мутилась Алка.

«Это ты больная? А три бутылки просекко кто в одно лицо выдул?»

«Я. Так ведь в качестве лекарства, ну?»

«Обожаю вас», – строчу в чат. – «Приезжайте, как только освободитесь. Я уже вызываю такси».

«Буду минут через пятнадцать. Вот же гондон».

«А сколько лет косил под приличного».

«Небось, ушлая бабенка попалась».

«Говорит, что наоборот, наивная девочка-а-а-а», – я, как и Стася, не брезгую голосашкой, ведь неудобно и чемоданы к двери тащить, и поддерживать беседу.

«Ага. Целка-семиабортница», – приходит тут же от Алки. – «Знаю я таких. Ты ее еще пожалей».

Да уж какая тут жалость? Стою, угораю, привалившись к стеночке. Так смешно, что аж хрюкаю.

«А я думаю, Юль, тебе нужно отпустить обиду. Это нехорошая энергия – не нужно ее копить».

Кто о чем, а вшивый о бане. Впрочем, мы уже привыкли, что Лерка у нас несколько отлетевшая. Да и, чего греха таить, мы все, когда одолевают сомнения, нет-нет да и просим ее то картишки раскинуть, то звезды «посмотреть».

«Я согласна с Лерой», – неожиданно поддерживает Петрову Стася. – «Лучше сосредоточиться на возможностях, которые для тебя открывает развод».

«Например?»

«Ты можешь влюбиться! Это классно».

«Нет уж, спасибо», – строчу я. Влюбилась уже. И вон чем это закончилось. Перед соседями неудобно. Плетусь с чемоданом, как вор, пугливо оглядываясь по сторонам. Стыдобища.

«Ну, тогда хоть потрахнешься, наконец, с кем-то другим. Ты единственная женщина на моей памяти, у которой за всю жизнь был один мужчина».

ГЛАВА 2

Громыхая бутылками, как незадачливый вор в закромах стеклодувной фабрики, первой на новом месте ко мне присоединяется Стася.

– Привет! Я, оказывается, была совсем рядом, – бормочет она, вручая мне плотный пакет. – Ты знала, что у вас алко-маркет прямо в доме?

– Угу. Вот и как тут не спиться новоявленной брошенке, когда для этого созданы все условия? – грустно иронизирую я.

– Эй, ты чего, Юль? Конечно, сейчас так не кажется, но все будет хорошо. Правда-правда! – Стася порывисто меня обнимает и что есть силы прижимает к груди.

– Обязательно, – шепчу я, растрогавшись. – Проходи давай.

Стася отстраняется. Вешает куртку в шкаф, наступая на задники, стаскивает короткие уги. И безошибочно находит дорогу на кухню.

– Хорошо тут у тебя, – комментирует, оглядевшись по сторонам. Я равнодушно прослеживаю за ее взглядом и вдруг понимаю, что и впрямь получилось неплохо. По крайней мере, здесь мне нравится гораздо больше, чем в квартире Моисеева, в которой я провела последние пятнадцать лет своей жизни. И цветовые решения – преимущественно бежевый

монохром, и яркие акценты в виде большого дивана цвета морской волны да насыщенно-винного – кресла, и сувениры, которые я покупала в путешествиях, а потом им не находила места – очень круто между собой подружились здесь, полностью в моем вкусе. Что довольно неожиданно, учитывая, что я никогда не планировала тут жить, а квартиру готовила к сдаче.

– Кажется, эта недвижимость досталась тебе по наследству?

– По наследству мне перешла бабушкина хрущевка. Но она шла под снос, и вот... – развожу руками.

– Как хорошо, что ты не успела ее сдать, прям как знала! – восторгается Стася.

– Не поверишь – только подумала, что, может, неосознанно чувствовала приближение конца.

– А что, были какие-то предпосылки?

Вопрос, который я себе теперь задаю все время! И ведь я почти уверена, что никаких предпосылок не было. По крайней мере, я не находила пятен от помады на Эдиковых рубашках, а от него самого не несло чужими духами. Впрочем, Эдик сказал, что у них еще ничего не было. И, кажется, именно этот факт не дает мне до конца смириться с происходящим. Очевидно, вытащи я его из-под бабы, обрубить концы мне бы труда не составило. А тут я не могу не думать, что ничего непоправимого не случилось. Что все еще можно отмотать назад... И это так нечеловечески жестоко, что

в груди больно.

– Не знаю, – шепчу растерянно.

– Юльчик, ну ты чего? – сникает Стася, не зная, как ко мне подступиться в таком состоянии. Мы с девочками не так давно взяли ее под свое крылышко. И вообще-то подразумевалось, что это мы станем ее поддержкой, а никак не наоборот.

– Кажется, в дверь звонят. Откроешь? Мне что-то совсем херово.

Батарейка окончательно сдохла. Даже начинает казаться, что я зря позвала подруг. Возможно, мне стоило какое-то время побыть наедине с собою. Как следует все обдумать. Оплакать рухнувшие мечты. Но что уж? Судя по голосам, доносящимся из коридора, боевой десант моих девочек прибыл в полном составе, так что поздняк метаться.

– Где наша страдальца? – с порога берет быка за рога Алла. – Та-а-ак. Я не поняла, Моисеева, вы че тут – насухую сидите?

– Сама же говорила – так лучше, – шмыгаю носом, утыкаясь в шею старшей подруги. – Привет, Лер, – здороваюсь с Петровой.

– Юлечка, я твоего Эдика и пьяная в сиську в суде раска-
таю, – угрожающе сощуривается Рындина.

– Ну в каком суде? Ты чего? – закатываю глаза.

– В суде общей юрисдикции, конечно же. Активы нужно разделить по уму.

– Да мы уже обо всем вроде бы договорились. Эдик не лезет ко мне, я – к нему.

– Стась, ты не стой. Наливай давай... Лер, где там твои суши? Едут?

– Курьер в пути... – кивает Лерка, отчего массивные серьги в ее ушах издают приятный звенящий звук. Я залипаю на их таинственном мерцании. Кажется, Петрова говорила, что купила их где-то в Непале. Это чистый гипноз, вот правда.

– Хорошо, а то я когда голодная – злая. Так вот, что касается «вроде договорились». Юль! Ты у нас ведь умная баба. Сегодня договорились, завтра он передумал...

– Ал, ну, погоди. Эдик, конечно, поступил как мудака. Тут я не спорю...

– Еще бы.

– Но все же, поверь, за столько лет я успела хорошо его изучить. Не станет он со мной делить чашки с ложками!

– Он, может, и не стал бы. Но его девка... Я таких на своем веку повидала. Они своего не упустят, ты уж поверь моему опыту.

– Хочешь сказать, что у него нет своей головы на плечах?!

– Голова, может, и есть. Но в таких ситуациях обычно побеждает головка, – закатывает глаза Алла. – Ну что, девочки, за нас, красивых? Вздروгнули!

Вкуснейшее вино выпиваю залпом. Градус ударяет в голову. Я весь день в бегах – поесть, и то не успела.

– Хотела бы я на нее посмотреть, – вздыхает Стася.

смогу двигаться дальше, если буду регулярно оглядываться назад? Развод – значит, развод.

– Он случайно не говорил, как ее зовут?

– Ариша...

– Тогда вот она, миленькая... Сто процентов.

Я с такой скоростью захлопываю глаза ладошками, что становится даже больно.

– Нет! Ничего не хочу знать, – как ребенок трясую головой.

– Ладно. Тогда дай сюда телефон. Хочу кое в чем убедиться.

Если Лерка загорается какой-то идеей, то в плане настойчивости может составить конкуренцию даже Алле. Спорить с ней в такие моменты абсолютно бесполезно. Поэтому я безропотно протягиваю ей свой новенький айфон.

– Представляешь, эта дрянь на тебя подписана.

– Да-а-а?

– Ну, а чему ты удивляешься? – философски попыхивает сигареткой Алла.

Наверное, нечему, да. Ну, подписана и подписана, у меня подписчиков – миллион. Но какого-то черта я до этого особенно не задумывалась о том, что они видят. А тут стала судорожно припоминать, что за контент мы публиковали. Была ли я хороша на фото? Насколько, по шкале от одного до десяти? Эта малолетка нас сравнивала?

Трясущимися руками выхватываю телефон и начинаю в спешке листать свою страничку. Я – звездный визажист, да.

Поэтому в моем профиле преимущественно не мои фото. А на тех, где меня запечатлели в процессе работы, я стараюсь держаться в тени клиента. Но все же тут можно найти и мои снимки. На которых я...

– Слушай, ну тут вот вроде ничего, а? – вскидываю полный надежды взгляд на девочек.

– Юлька, с ума сошла, что ли?! Давай еще начни комплексовать из-за своего мудака.

– Она молодая.

– И что? Ты ей и молодой дашь форы. Вообще ничего примечательного. Глянь – и успокойся.

А может, и правда? Решительно берусь за телефон.

– Только смотри не лайкни – спалишь нам всю контору.

– Девочки, я говорила вам, что вы страшные люди? – с благоговением шепчет Стася.

– Сила трех, – кивает Алла, напрягая бицепс.

– Теперь четырех, – парирую я, отбрасывая айфон. – И правда – никакая.

– За это и выпьем. Как думаете, когда Эдик вернется, посыпая голову пеплом?

– Думаете, вернется? – вскидываюсь я.

– А ты его, никак, назад принять собралась?! – негодует Рындина.

– Тебе легко меня осуждать. А у нас дети, жизнь налаженная... – закусив щеку, чтобы не расплакаться, отворачиваюсь к окну.

– Я тебя не осуждаю ни в коем случае. Просто, хорошо тебя зная, не верю, что ты сможешь простить измену.

– Эдик говорил, что у них еще ничего не было, – напоминаю я. – Он хотел сначала поговорить.

– Так вроде разговор состоялся, – разводит руками Рындина, ставя мне шах и мат. В конечном счете теперь у него и впрямь не осталось повода себе в чем-то отказывать. Может, он уже на всех парах летит к ней. И Алка, конечно, права. Никогда я этого не прощу. Прикинуться, что простила, смогу, да... Но искренне, от души – вряд ли. А значит, что? Значит, без вариантов.

– За новую жизнь, что ли? – поднимаю, храбрясь, бокал.

– За новую жизнь, новые впечатления и новых мужиков. Что-то мне подсказывает, чем скорее ты пустишься во все тяжкие, тем легче переживешь развод.

– Бред какой-то. Не собираюсь я никуда пускаться.

– Почему? Сильнее всего на тебя сейчас давят предрассудки, связанные с тем, что он первый. Разве я не права?

– Есть такое, – неожиданно понимаю я. – Даже странно. Никогда бы не подумала...

– А я про что? Убирай вот это «единственный» из уравнения жизни, и офигеешь, до чего оно упростится. Ну, что ты глазами на меня хлопаешь?

От необходимости отвечать меня избавляет приход курьера. Но разобраться в своих чувствах эта короткая отсрочка, конечно же, не дает.

– Вот. Мы тебя уже зарегистрировали. Не благодари.

– Где зарегистрировали? – вскидываю брови.

– На сайте знакомств.

– Пойдите, – возмущаюсь я. – Я понимаю. Вы хотите меня поддержать. Но... Девочки, прошло слишком мало времени! Я не могу вот так сходу перестроиться от «надо нажать котлеток любимому мужу» до «а не потрахаться ли мне с первым встречным?».

На глазах выступают пьяные слезы. Мне дико обидно. И очень-очень больно.

– Кажется, у меня в груди дыра, – всхлипываю. – Прямо здесь, – касаюсь рукой солнечного сплетения. – Думаете, ее так п-просто з-заткнуть м-мужиком?

– Юлька, да не плачь ты! Как лучше хотели, да, девочки? А если ты против, так мы и не настаиваем.

– Спасибо! Я это очень ценю, правда... Но давайте пока отложим эту тему, ладно? Я еще и сама не знаю, как жить.

– Конечно-конечно. Мы даже подскажем. Лер, ты же прихватила картишки?

Кивнув, Петрова убегает в прихожку, где оставила сумку с Таро. А вернувшись, тут же начинает тасовать карты.

– Сдвигай.

Делаю, как велят, взволнованно закусив губы. Все мы не верим в подобную ерунду ровно до тех пор, пока первая карта не ложится на стол. А там какой-то казус случается – не иначе. И вот ты уже, затаив дыхание, ждешь – а вдруг. Ну,

вдруг там впереди...

– Ну?! Мужик, Лер? Что ты тянешь кота за яйца? Брюнет? Блондин? Богатый? Бедный?

– Зачем нам бедные?

– Ну, если молодой, то это простительно. Главное, что там за амбиции, правда, Стась? Лерка, говори, чего видишь...

– Ну, точно не мужика, – вздыхает Петрова.

– А что тогда? – допытывается Стася.

– Вагон работы.

– Работы? – скисаю я. Нет, поймите правильно, свое дело я нежно люблю. Но то, что мне предстоит вагон работы – для меня совершенно не новость, лето на носу – свадебный сезон. Мой график расписан на пять месяцев вперед.

– Ага. Какой-то большой проект. Нет. Огромный... Что-то совершенно новое.

– Я подумывала набрать курс по обучению макияжу... – сообщаю я, чтобы подогнать Леркино пророчество к своей реальности.

– Нет, не то. Этим ты еще никогда не занималась. Какой-то новый для тебя бизнес.

– Даже не знаю...

– Юль, да это же про наш проект! Новый и большой! – вскакивает Стася.

– Что за проект? – с подозрением интересуется Алла – не нравится ей, что у нас со Стаськой появились свои секреты, хотя это и секретом не назовешь, так... Поговорили – и раз-

бежались. Слишком нереальной показалась мне озвученная Стасей идея.

– Я же химик, вы помните? Так вот, у меня возникла идея запустить косметический бренд. Со своей научной лабораторией, разработками и прочим. Юля в этом смысле – идеальный партнер. У нее огромный опыт и в самой бьюти-индустрии, и в ее маркетинговой составляющей. Плюс... Юля Мо – сама по себе бренд. Я предложила ей равноправное партнерство, – выпалив эту тираду, Стаська хватает бокал и залпом его осушает.

– А ты что? – интересуется Лерка, глядя то на Стаську, то на меня.

– Да что я? Предложение, конечно, интересное. Но у меня нет таких денег. А если брать кредит – с нынешней ставкой мы вылетим в трубу быстрее, чем снимем офис.

– Деньги есть у меня! – выпаливает Стася. – Точнее... Не у меня. А у папы. Но я попрошу – он даст. Это сто процентов.

– У папы, значит, – задумчиво тянет Алла. – Стасенька, а кто у нас папа, а?

ГЛАВА 3

– Ну, папа и папа, – смущенно бормочет Стася, отворачиваясь к окну.

– Твоя же фамилия – Наумова? – допытывается Алла.

– Нет, – округляет глаза Лерка. – Только не говори, что твой отец... А чего ты молчала?!

– Того! – вспыхивает Стася. – Вы бы видели свои лица!

– А как ты думала, блин?! Твой отец Наум Наумов! – заходится Алка. – Нет, это уму непостижимо. Скажи, Юль!

А что тут скажешь? Сiju – обтекаю. Если это тот Наумов, о котором я думаю, то... Ни хрена себе! Да этот чувак стоял у истоков интернет-индустрии в нашей стране. Ему принадлежит... Да что уже только не принадлежит. От одного из самых востребованных в мире браузеров до собственного платежного сервиса и всяких там умных колонок, установленных, считай, в каждом доме.

– Ну, Стася... – шепчу я.

– Я все та же, – робко шепчет девочка. Смотрю на нее – сидит аж серая, слезы выступили на глазах. Наверное, нелегко ей приходится с таким папой. И это многое объясняет на самом деле. И ее некоторую скрытность, и то, что у Стаськи до нас не было подруг, и то, что при этом всем она умудрилась стать самодостаточной, уверенной в себе мамзелью.

Ее вера в себя пошатнулась лишь один раз. Когда Стася

влюбилась. Собственно, любовь и привела ее в мой салон. Первыми словами Стаси, когда она села ко мне в кресло, были:

– Мне сказали, что вы лучшая в своем деле.

– Некоторые мои коллеги поспорили бы с этим утверждением, – улыбнулась я. – Но я нескромно считаю, что вам не соврали.

– Тогда скажите, с этим можно что-нибудь сделать? – спросила она, рисуя пальцем круг у лица.

– Несомненно. Но для начала давайте уточним задачу.

– Задача проста – есть мужчина, который считает меня абсолютно непривлекательной...

– Он так и сказал? – ошалела я.

– Нет, – покраснела Стася. – Я подслушала его разговор с другом.

– И вы... хотите...

– Хочу заставить его передумать. Сумеете мне с этим помочь?

– У вас очень красивые черты лица.

– Вадик назвал меня молью, – вздохнула Стася.

– Он неправ, – возразила я, с трудом подбирая слова помягче. – Визажисты обожают такой типаж. Он как чистый лист. Рисуй что хочешь. Вот вы кем хотите отсюда уйти?

– Знойной красоткой? – не слишком уверенно проямлила Стася, настороженно следя за моими действиями – я как раз наносила уход на ее кожу.

– Отлично. Значит, рисуем знойную красотку. Потом обязательно сообщите, какой будет реакция вашего краша.

Потом уже выяснилось, что она была именно такой, какой и хотелось Стасе. Но для меня гораздо важнее было то, что я увидела в ее глазах, когда повернула девочку к зеркалу.

– Я – красавица, – прошептала Стася, замороженно касаясь своей щеки.

– Да. Никогда в этом не сомневайтесь.

Хотелось еще добавить – «и не позволяйте всяким мудакам пошатнуть вашу веру», но это было бы непрофессионально, и я не стала. Весь день потом думала, как Стася, добилась своего или нет? И неизвестно, сколько бы еще терзалась этим вопросом, если бы она не пришла ко мне снова.

– Опять будем делать из вас горячую штучку?

– Нет. – Стася неожиданно нахмурилась. – Я тут подумала... На кой мне мужик, который ведется исключительно на картинку?

Я откашлялась, но это не помешало моей улыбке растянуться во все лицо.

– Почему вы улыбаетесь? – насторожилась Стася.

– Радуюсь. Вы удивительно зрелый человек.

– А-а-а...

– И все-таки. Кого мы хотим увидеть в зеркале?

– Себя.

– Значит, мы просто слегка подчеркнем ваши достоинства, – пожала плечами я, не став доказывать, что собой она

останется, как бы я ее не накрасила.

– Да. А еще, если это возможно, я хотела бы взять у вас пару уроков макияжа. Кажется, вы оказываете такую услугу?

Я тогда не знала, чья Стася дочь, поэтому первой моей мыслью было, что эти самые уроки ей не по карману, но что-то не дало мне озвучить прайс. Эта девочка до того мне понравилась, что первый урок я дала ей совершенно бесплатно тут же. Потом мы собрали для нее косметичку, разговорились... Я выяснила, что за двадцать три года жизни Стася ни разу нормально не тусовалась, и загорелась идеей открыть для бедняжки эту сторону жизни – ведь не дело это – ее упускать. Вечерок удался на славу. Да так, что утро началось с сообщения Лерки:

«Девочки, вы не знаете, где я?»

«Нет. Потому что я вообще ничего не помню», – ответила Стася, которую мы, приняв на грудь, зачем-то присоединили к своему чату. Кажется, этому способствовала новость о том, что Стася росла без мамы, и нам просто стало жаль девочку. Но чтобы ей не показать этой самой жалости, мы провели шуточный ритуал посвящения. А после такого было как-то неправильно ее исключать. Так Стаська к нам и прибилась. И если честно, не припоминаю случая, чтобы мы о том пожалели – как-то очень органично эта девочка вписалась в нашу реальность.

– Юль! Ты что, обиделась? Я не хотела вас обманывать, – тараторит Стаська, возвращая меня из мира грез на грешную

землю. – Вы просто не понимаете. А я... Я никогда не была уверена, что люди, набивающиеся мне в друзья, не преследуют каких-то своих целей.

– Разве мы набивались?!

– Вы – нет. Ты как скажешь, Ал! Тут скорее наоборот история. Вы такие классные, настоящие, оторванные... Наверное, я просто боялась, что узнав, чья я дочь, ваше отношение ко мне изменится.

– Да прям! – фыркает Аллочка.

– Значит, вы на меня не в обиде? Мир?

– Ну какие обиды, дурочка?

Вытягиваю руку над столом, чтобы скрепить дружеские клятвы пятяней. Но вместо того, чтобы мне ее дать, Алка хватает мою ладонь и, повертев, вскидывает брови:

– Ты почему еще не сняла обручалку?

– А надо?

– Долой напоминание об этом гаде!

Снять кольцо, которое, не снимая, носила пятнадцать лет – задача такая же нелегкая, как и бестолковая. Оно едва ли не намертво вросло в меня за эти годы, и чтобы его содрать, пришлось изрядно помучиться. И все бы ничего, но даже после того, как все получилось, на коже остался характерный след.

– И куда его теперь? – всхлипнув, верчу в пальцах погнутый ободок.

– В окно! – вскочив со стула, Лерка в одно касание распа-

хивает окно, и прежде чем я успеваю ей помешать, вышвыривает в него мою обручалку.

– Радикально, – восхищается Стася, прижимаясь носом к стеклу.

– В таких ситуациях только так и надо. Особенно если вы действительно собираетесь мутить бизнес. Проект, как я понимаю, намечается грандиозный. Вписываться в него, находясь в браке, не стоит. Это я тебе как твой юрист говорю.

– Да какая разница?

– Такая! Хочешь, чтобы твой Эдичка еще и на это претендовал?

– Да ни на что он не претендует, господи!

– Вот и закрепим это в мировом. – Алка потирает ладошки и куда-то уходит под нашими удивленными взглядами. – Я за ноутом. Набросаю рыбу...

Язык чешется ей возразить, но мой порыв пресекает Лерка:

– Да пусть что хочет делает, кому от этого хуже? Сама же говоришь – он на все согласен.

– Заодно и сумму алиментов пропишем.

– Кстати, насчет детей. Что-то их долго нет...

В разговорах с подругами время пролетело быстро. Я даже не заметила, а ведь прошло уже часа три. Неужели они на сборах вещей зависли? И Эдик тоже хорош! Мог бы и позвонить. Впрочем, мы люди не гордые. Хватаю телефон и сама набираю Моисеева.

«Любимый муж» – как насмешка, ей богу. Надо будет не забыть переименовать контакт. Жаль, из-за детей его нельзя удалить вовсе.

– Да!

– Как все прошло?

– Как-как, Юль. Хреново... – трагично вздыхает Эдик. Ну, а что он хотел, собственно? Ясен пень, детям будет нелегко простить, что он променял нас на какую-то девку. Будучи умным мужиком, он должен был это понимать.

– Вам долго еще собираться? У них режим. Пусть возьмут все необходимое, а на днях я найду кого-нибудь, кто поможет нам с переездом. – В трубке повисает тишина. – Алло, ты меня слышишь?

– Слышу, – откашливается Моисеев. – Тут такое дело, Юль... Они отказались переезжать.

– В каком это смысле? Ты им сказал, что мы разводимся?

– Да. Они вроде как решили остаться со мной.

– Вроде как?!

– Ну что ты меня пытаешь?! Хочешь, сама с ними поговори.

– Что ты им наплел?!

– Ничего!

– Ты рассказал им о своей новой бабе? – рычу, мечась взглядом по вытянувшимся лицам подруг.

– Ну, так... В общих чертах.

– И они решили, что останутся с тобой?

Под конец мой голос окончательно сипнет. Приходит мой черед прокашляться, но черта с два это помогает – мне будто удавкой перетянули горло.

– Клянусь, что никак не влиял на их решение.

Это агония. Ее нужно немедленно прекратить.

– Ладно. Уже поздно. Тогда... Завтра все детально обсудим.

– Юля...

– Пока, пожелай им от меня спокойной ночи!

Отрубая связь, прежде чем он еще что-нибудь скажет. Плечи трясутся, слезы текут по щекам, размывая картинку перед глазами.

– Думаешь, это правда?

– Что?

– Что малые захотели остаться с ним?

– Не знаю. Они его любят. Да и... Там им все привычнее.

Из-за всхлипов речь выходит сбивчивой и невнятной. Самой от себя тошно.

– Вот же мелкие засранцы! А они вообще в курсе, через что тебе пришлось пройти, чтобы дать им жизнь?!

– Если речь об ЭКО, то да. Серега с Лешкой наслышаны об этой истории. Впрочем, какая разница?

– Им, видимо, никакой, да. А вот что скажет новая пассия Эдички, когда узнает, что у его сперматозоидов почти нулевая подвижность?

– Боже, Алка, да мне плевать! В сложившейся ситуации

меня волнуют исключительно мои дети! Мои-и-и. Может, Моисеев потому их и забрал, что других у него не будет?! – вскидываюсь вдруг.

– Погоди. Мне кажется, рано ты отчаиваешься.

– Ну да. – Шлепаюсь обратно на стул. – А ты бы как себя повела на моем месте?

– Я бы выждала.

– Выждала? – хмурю брови.

– Ага. Пусть они поживут вместе, посмотрим, как надолго Эдички хватит.

– Он хороший отец.

– Легко быть хорошим отцом, когда все на тебе держится.

Позволь им в полной мере насладиться друг другом. И посмотрим, кто первый взмолится о пощаде.

– Жестоко, – улыбается Лерка.

– Ну, не знаю, – шмыгаю носом. – Им же всего одиннадцать. Как они без меня?

– Всего? Или уже? Тут как посмотреть.

Наверное, в тот момент во мне говорит обида. Но я вдруг соглашаюсь с тем, что в словах Алки имеется смысл. Неожиданно на меня снисходит блаженное равнодушие. Может, для порядочной матери такие мысли непозволительны, но мои дети сами приняли такое решение. Не я от них отказалась, так какие ко мне претензии?

Будучи в браке, замотанная по самое не хочу в дела и проблемы семьи, я порой представляла, как было бы хорошо по-

быть наедине с собой хоть недельку. Говорят, бойтесь своих желаний, потому что они имеют свойство сбываться. Раз мне предоставилась такая возможность – грех ею не воспользоваться. Нет-нет, я не буду обливаться слезами и кусать локти. Сейчас мне точно не повредит немного здорового эгоизма. В конце концов, я не на другую планету съехала. Мы сможем в любой момент увидеться, созвониться, а там... Там они обязательно передумают. И я прощу, что мои кровиночки сходу выбрали не меня. Обязательно прощу, да, и мы заживем даже лучше прежнего. А пока – гори оно все огнем, проживу для себя! Схожу в спа, может быть, даже слетаю в отпуск. Или, чем черт не шутит, соглашусь на свидание. Гулять – так гулять.

Пиликает телефон. Хватаюсь за него в надежде, что объявился кто-то из сыновей, но натыкаюсь на уведомление от установленного подругами приложения.

– Кажется, мне кто-то написал... – шмыгаю носом.

– Дай сюда. О-о-о! Девочки, вы только гляньте, какой красавчик!

Едва не сталкиваясь лбами, синхронно склоняемся к экрану.

– Господи, Ал, он хоть школу окончил? – высмаркиваюсь.

– Ему двадцать. Братъ и бежать! – лайкает фоточку. – Ну вот. Теперь у вас мэтч.

– Что ты делаешь, дурочка?! Я не собираюсь ни с кем встречаться! А если бы собралась, то выбрала бы мужика,

рожденного со мной хотя бы в одном тысячелетии!

Подружки переглядываются и покатываются от хохота. Присоединяюсь к этим дурындам. Господи, мне тридцать пять, Алке за сорок. Лерке чуть меньше, но тоже немало. По отдельности – солидные успешные тетки, но как собираемся вместе – будто и не было этих лет.

– На хрена тебе старперы, Юлька?

– А на хрена мне такой зеленый? Если уж врываться в мир большого секса, то с кем-то более опытным.

– Я тебя умоляю! Они любому опытному дадут форы. И не надо ждать пару часов, пока восстановится. В этом возрасте у них просто ванька-встанька. Пользуй, тетя, всю ночь.

– Фу, Алка. Не могу с тебя... У меня пока в эту сторону даже мыслей нет, вот правда. Ничего не хочется. Я абсолютно опустошена.

Укладываюсь гудящей головой на сложенные на столе руки. Господи, ну какие мужики... Когда меня муж бросил! Когда меня бросили даже дети... Вот уж чего я бы даже в страшном сне не могла представить.

– Ты просто мало выпила. Стась, наливай!

ГЛАВА 4

На самом деле алкоголь – хреновый антидепрессант. Просто если с ним перебрать, у тебя банально не остается сил думать о проблемах. В борьбе за то, чтобы не помереть от похмелья, душевное невольно отходит на второй план. Но я, если честно, даже не знаю, что хуже.

Ох ты черт... Как это пережить и не сдохнуть?

Оу! Вот это да!

Вздвогнув, приближаюсь к зеркалу. Просто охренеть. Я вообще не склонна к отекам, но суши с игристым, и вот я – словно незадачливый пасечник, которого покусали пчелы.

Так, сначала зубы. Потом душ, а потом... Гильотина. Пожалуй, меня спасет только это. Даже легкое жужжание электрической зубной щетки подобно смерти. Со стоном откладываю орудие пытки в сторону. Стаскиваю через голову шелковую ночнушку и забираюсь под душ. Еще одно преимущество современных квартир – это то, что санузлы здесь довольно просторные. Не нужно выбирать, что ставить – ванну или душевую кабину. Можно установить и то, и другое. Не то что в сталинке свекрови. Какой же кайф – принять поутру контрастный душ! Кажется, Стася предлагала сосредоточиться на положительных моментах развода? С этого, пожалуй, можно открывать список.

Только обмотавшись полотенцем, я вдруг понимаю, что

на все про все у меня по привычке ушло от силы минуты три. А ведь я в кои веки могла насладиться утренним туалетом без спешки. Мне же больше не надо плестись на прогулку с Баксом, готовить завтрак и мчать ни свет ни заря к школе, потому как, видите ли, моим отпрыскам лень проехать пару остановок на метро.

Батюшки! А жизнь ведь не так уж и плоха. Вот если бы башка еще так не трещала!

Плетусь на кухню, чтобы выпить таблетку. Спасибо девочкам – основной беспорядок они убрали. Но пахнет тут все равно не очень. Распахиваю окно, впуская в комнату свежий воздух. Весна, но по ночам температура опускается едва ли не до нуля, и как будто даже морозцем тянет. Распластав ладони по подоконнику, высовываюсь наружу. Разгоряченные щеки обдает жгучим холодом. В голове медленно, но верно проясняется. Полжизни бы отдала за огромную кружку латте с соленой карамелью. Благо современные технологии не требуют таких жертв. Отыскав телефон, заказываю доставку из ближайшей кофейни. И вот всего через каких-то сорок минут на моем столе прекрасный завтрак – кашка с тыквой, кофе и круассан.

Интересно, как там мои мальчики. Вряд ли Эдик сподобился запечь им омлет. Ну, ничего – тоже что-нибудь закажут. Рука дергается отправить напоминание, что у детей сегодня вечером тренировка – Моисеев ведь вообще не в курсе их расписания. Дергается... и, сжавшись в кулак, возвра-

щается на стол. Хотели с папой? Пожалуйста. И Бакса не забудьте выгулять!

Решив набрать сыновей ближе к обеду, заканчиваю завтрак и принимаюсь разбирать чемодан. Ко мне возвращается ощущение нереальности происходящего, которому во многом способствует не до конца развеявшийся туман в голове.

Когда я почти заканчиваю, звонит телефон. Бросаю на экран полный надежды взгляд и сникаю. Это не дети... А я все-таки ждала, что Сережа с Лешкой наберутся смелости позвонить мне первыми, чтобы просто поинтересоваться, как я поживаю. Нет... Видно, я слишком много хочу от мальчишек их возраста.

– Привет, Юль. Ты как? Выжила?

– Не дождетесь.

– Вот и славно. Значит, встречаемся на трене.

– Сегодня? Может, пропустим, а? – малодушничая я.

– Знаешь ведь, что тебе нельзя пропускать!

– Да твою ж мать, Лерка-а-а! Я тебе вот что скажу – в нашем возрасте надо определиться – либо мы бухаем, либо занимаемся спортом. И то и другое я как-то не вывожу.

– Я в тебя верю.

– Даже не помню, захватила ли форму, – делаю последнюю попытку отмазаться, но Лерка не была бы собой, если бы позволила мне так просто слиться.

– Захватить для тебя комплект?

– Нет, я что-нибудь придумаю.

Делать нечего – надо ехать. Лерка права – спина не простит мне прогула. Хотя бы по лайту, но позаниматься все же придется.

Нанеся на лицо противоотечную сыворотку и наспех подкрасившись, вызываю такси. С нового места жительства мне гораздо удобнее добираться до спортзала. Наверное, это даже удивительно, что в своем неожиданном переезде я нахожу пока одни только плюсы.

В общем, к месту я попадаю первой. Когда Лерка влетает в раздевалку, я уже шнурую кроссовки.

– Опаздываешь.

– Да я на ресепшене зависла. Девочки спрашивали, будем ли мы против, если за нашей тренировкой понаблюдадут студенты.

– Какие еще студенты? – выпучиваю глаза.

– Будущие физиотерапевты. У ребят практика.

– А-а-а. Да мне пофиг.

– Ну, а мне тем более.

Присутствие новеньких бодрит. Под прицелами чужих глаз поневоле начинаешь выкладываться на максимум. Парни совсем зеленые. Но де-е-ерзкие. Смотрят так, что неловко становится. Это вам не профессиональные тренеры, у которых отточенный годами практики покер-фейс.

– Ты видела, какие банки у этого блондинчика? – шепчет мне на ухо Лерка. – Это же сколько он их качал? Ой-ой-ой, Моисеева, он на тебя смотрит!

– Не говори ерунды, Лер. И вообще, ты закончила? У меня здесь третий подход.

Всего третий, а я уже едва волочу ноги. Пот течет по лицу, волосы намокли и облепили череп. На что тут смотреть? Тем более двадцатилетнему мальчику? Я ему в мамки гожусь.

– Ты отстала от жизни, Юлька. Сейчас мода на милф.

– Я что, про мамку вслух сказала?

Лерка закатывает глаза и легонько бьет меня скрученным в жгут полотенцем. Добиваю поясницу экстензией, отношу на место утяжелитель и ловлю взгляд того самого блондинчика.

– Помочь?

– Сама справлюсь.

– Не сомневаюсь. Форма у тебя – отпад. Я набирал воду в бутылку и так засмотрелся, что устроил у кулера потоп.

Подкат хорош, да. Просто лекарство для моего раненого эго. Это трогает что-то внутри. И мое «Мы уже на ты?» звучит поневоле кокетливо. Конечно, я не собираюсь давать парню никаких авансов. Это просто смешно, но... Внимание – оно ведь и кошке приятно.

– Почему нет?

– Потому что это непрофессионально?

– Так я не на работе. – Обаятельно улыбается. – Слушай, может, сходим куда-нибудь после? Посидим... Выпьем кофе. Узнаем друг друга получше...

О-фи-геть. И то ли схемы в наши времена сложнее были,

то ли люди более зажаты. А тут все так легко, что даже завидно.

Боже, я правда сказала «в наши времена»?! Походу.

– Извини, – улыбаюсь, – я не планирую пойти под статью о соращении малолетних.

– Мне двадцать, – блондин улыбается во все тридцать два, или... в этом возрасте еще не прорезываются восьмерки? – И когда ты согласишься, это будет лучшее свидание за все твои... Сколько?

Не ответить на эту заразительную улыбку просто невозможно. Особенно когда у тебя больше нет стопора в виде необходимости хранить верность мужу. А его уход к другой, напротив, подталкивает к всяческим безрассудствам.

– Хочу верить этому миру так, как ты веришь в эффективность своих подкатов, – смеюсь, встречаясь взглядом с мнущейся неподалеку Леркой.

– Так что, пойдем? Я угощаю! – ничуть не смутившись, повторяет приглашение парень.

Представив, как студент выпрашивает у мамы денег, чтобы сводить меня в кафе, тихонько хмыкаю.

– Пригласи подходящую тебе по возрасту девочку. Уверена, она будет в восторге, – смягчаю отказ, хотя сомнение красавчика вряд ли поубавит такая мелочь.

– Не хочу по возрасту! Хочу тебя, – кричит дурак. Хорошо, что снаряды гремят, и никто не слышит. Впрочем, злиться на него почему-то совершенно не получается. Лерка мерз-

ко хихикает. Шикаю, ткнув ее в бок. Ну что за детский сад?!

– Мать, а тебе не кажется, что он похож на того чувака из приложения для знакомств?

– Да ну. Таких совпадений не бывает.

– Наверное. В сауну пойдем?

– Если ненадолго. У меня через два часа клиент.

В итоге удастся неплохо расслабиться. От жара сильнее обычного кружится голова. Зато вместе с потом выходят остатки похмелья.

На работу приезжаю как новенькая. Успеваю поздороваться с администраторами и повесить пальто в шкаф, когда меня окликает постоянная клиентка салона.

– Юль, можно тебя на пару слов?

– Конечно, Людмила Васильевна. Прекрасно выглядите!

Узнаю Машину руку.

– И Семена, надо полагать.

– Да... – закрываю за нами дверь пустующего косметологического кабинета.

– О нем я и хотела поговорить.

– Что-то не так? Вам не понравилась укладка? – окидываю прическу женщины придирчивым взглядом, но не нахожу, к чему бы придраться.

– Если бы. Боюсь, у него проблемы посерьезнее, Юль. Он меня сушит, а сам пританцовывает на месте. Ни секунды покоя, весь дерганый, глаза бегают... – со слезами рассказывает Поперечная. Мне сходу становится понятно, и к чему она

клонит, и с чего вдруг такая реакция. Не так давно Людмила Васильевна похоронила сына, который загубил себя точно так же, как сейчас себя губит мой лучший парикмахер. – Ты прости, но людям, более-менее сведущим, за километр видно, что он под чем-то... И если я тебе по-свойски пожалуюсь, то клиент повзыскательнее просто уйдет и никогда сюда не вернется.

Твою мать, Сёма! Только этого мне сейчас и не хватало! Золотой мастер – единичный, но...

– Я поняла, Людмила Васильевна. Спасибо за сигнал. Даже не сомневайтесь, я этого так не оставлю.

– Если понадобится помощь – обращайся. У меня и адреса клиник есть, и выходы на хороших наркологов...

– Спасибо. К сожалению, мы это тоже не раз уже проходили.

– Мне очень жаль.

– Да... Спасибо. И пожалуйста, примите в качестве извинений...

– Нет-нет, об этом даже речи не может быть! Я оплачу работу! – не дает мне договорить Поперечная. – Речь ведь не об этом совсем, Юлечка. Что ты?

Женщина искренне возмущена, поэтому я не настаиваю. Если ей так хочется оплатить услугу – пускай. Провожая ее до ресепшена и возвращаясь в зал.

– Семён...

– М-м-м? – и правда, ведь дергается! Как будто у него уж

в трусах.

– Не догадываешься, о чем я хочу поговорить?

– Нет, – улыбается, клоун!

– Давай попробуем еще раз. Не догадываешься, о чем я хочу поговорить? – давлую взглядом. Ну, как так, а? Мы же договаривались! Он мне обещал – сказать, если сорвется.

– Юлька, да что случилось-то?

– Я отстраняю тебя от работы.

– Почему?

– Не могу подпускать тебя к людям в таком состоянии.

– Я в норме! – бесится Сёма.

– Нет. И пока ты себе в этом не признаешься, я ничем тебе не смогу помочь. Извини.

– Да ты гонишь! У меня запись до конца месяца!

– Придется девочкам взять на себя твою нагрузку. – Пожимаю плечами. – Позвони мне, если тебе понадобится какая-то помощь.

От обиды хочется плакать. Жизнь так несправедлива! Сёма ведь на самом деле классный мужик, когда не употребляет. И подставляет меня, лишь когда срывается. Твою ж мать, как во время! Засада по всем фронтам...

– Пошла ты! – уходя, Сёма нарочно переворачивает парикмахерский столик. На пол летят расчески, банки, склянки и новенький Дайсон. На грохот сбегается весь салон.

– Я еще вчера заметила, – шепчет мне на ухо Даша – еще одна визажистка. – Но думала, может, показалось.

– Нет, – вздыхаю я. – Маш, быстро звони Степной. Возможно, она сможет выйти. Если нет – всех по списку. И размещай объявление об открывшейся вакансии.

– Вот же дурак. Не живется спокойно... – причитает мастер маникюра.

– Ну что уж. Шоу маст гоу он. Возвращаемся к работе.

Из-за Сёминоного демарша у нас творится настоящий дурдом. Мы, конечно, выкручиваемся, сделав некоторые рокировки состава, и чтобы залатать дыры, мне самой приходится взять часть клиентов. Ситуацию несколько скрашивает радость барышень, которые и мечтать не могли, что их накрасит сама Юлия Мо. Улыбаясь им, я испытываю довольно смешанные чувства – и радость, и тоску, и необъяснимую грусть от воспоминаний о тех временах, когда я только начинала свой профессиональный путь. Сколько с тех пор сделано – страшно представить.

Эдик звонит в седьмом часу, когда я, закрутившись, уже и думать о нем забыла.

– Привет. Ты почему не забрала детей с тренировки? – наезжает сходу.

– Меня никто не просил. Ты же с ними живешь, значит, эти моменты теперь на твоём контроле.

– Что за бредни? Ты их мать!

– А ты отец. Если тебе нужна моя помощь – пожалуйста, предупреждай заранее, чтобы я могла подстроить свой график. Ты ничего не сказал – я полагала, что вы без меня

справляетесь.

– Мы справляемся!

– Тогда какие ко мне вопросы?

– Юля!

– Послушай, я на работе. Мне неудобно говорить.

– Ладно! – рявкает Моисеев. – Я заберу их сам.

– Вот и славно. Как освобожусь, скину тебе «рыбу» мирового. Если тебя все устроит, завтра подам заявление.

– Какое заявление?

– На развод. Ну все, Эдик, пока... У меня правда по горло дел.

ГЛАВА 5

– Ну, что? Ты посмотрел?

– И тебе здравствуй, Юля... – иронизирует Моисеев.

– Извини, – вздыхаю я, тревожно косясь за спину. Вчера мы как-то выкрутились, сегодня тоже пока справлялись. Вот, я даже выкроила немного времени на звонок в промежутке между клиентками. А там, глядишь, и вовсе освобожусь, весна – не самое жирное время в нашей профессии. – У меня на работе дурдом. Сёма опять сорвался – вся записка псу под хвост.

– А я уж думал, ты спецом нам жизнь портишь, – хмыкает Эдик, опрокидывая меня в реальность. А ведь по привычке делясь с ним своими проблемами, я будто вернулась в прошлое, где не было ничего – ни того разговора, ни Эдькиных признаний в любви другой, ни моего переезда, ни судов... Твою ж мать!

– Даже так? – усмехаюсь я. – Хорошего же ты обо мне мнения.

– Юль, ты с детьми не виделась с тех пор, как ушла. Я уж молчу о том, что ты не забрала их с тренировки.

– Я ушла? Моисеев, ты вконец охренел?!

– Вот только не надо, Юля? Тебя никто не гнал в шею. Ты сама в тот же день съехала. А теперь еще это заявление...

– А с заявлением что не так? – не став тратить время на

пустые пререкания, в которых мы никогда не приходим к общему мнению, возвращая нас к теме беседы.

– Зачем так спешить? – вздыхает Моисеев.

– Эдик, ты передумал разводиться?

– Да нет.

– Тогда какой смысл оттягивать неизбежное? – Молчит. Нет, я понимаю, когда вроде бы и хочется, и колется. Я же старый боевой конь. Проверенный временем, блин, товарищ. А там... Все незнакомое да. Оттого и боязно. Неизвестность – она ведь всегда страшит. Наверное, Эдик достоин уважения хотя бы за то, что ему хватило сил шагнуть в эту бездну. На его месте далеко не каждый решился бы. – Тебя по разделу имущества все устраивает? Алка вроде бы учла твои пожелания. Спорных активов у нас нет.

– Да, там все в порядке, – соглашается нехотя.

– Ну, тогда я подаю заявление, да?

– Подавай. Детей заберешь с трени хотя бы сегодня? – не упускает возможности меня пнуть.

– Я забирала их, Эдик, все пять лет, что они занимаются.

– Ладно, Юль, извини, – сдувается он. – Я просто немного в ахуе. Никто тебя ни в чем не обвиняет.

Еще бы он обвинял! Я была прекрасной женой. Или нет? Что я упускала?

– Как Бакс?

– Нормально. Извозился в дерьме на прогулке.

– Ох... За этим нужно следить.

– Я уже понял. Ну, давай... Увидимся вечером.

– Ага. Пока. Ты его хоть помыл?

– Нет, блин, так оставил.

В трубке раздаются гудки. Отвожу телефон от уха, пожав плечами. Зря он. Я хотела как лучше. В конце концов, откуда им знать, что делать, если они никогда этим не занимались? Все я, да я.

Отзваниваюсь Рындиной, давая добро на подачу заявления в суд. Оказывается, сейчас даже это можно сделать виртуально. Со своими чувствами по этому поводу разобраться не успеваю. В коридорчик заглядывает администратор:

– Юль, вас уже пять минут ждут.

– Ох, бегу...

Быть может, меня спасает именно занятость. Потому что когда я подъезжаю к арене, на которой тренируются сыновья, меня захлестывает тоска. Вытянув шею, вглядываюсь в лица снующих туда-сюда ребят. Волнение душит. Как они себя поведут? Что скажут? Как объяснят свое поведение? И вообще, посчитают ли нужным что-то мне объяснять?

Интересная, конечно, история получается. Вот живешь ты, живешь... С таким трудом беременеешь, носишь их под сердцем девять месяцев, раздуваешься и отекаешь, потом сидишь под реанимацией, потому что они рождаются слишком маленькими, через боль, слезы и маститы налаживаешь грудное вскармливание, не спишь ночей, гуляешь с ними и в дождь, и в снег, развозишь по кружкам, учишь буквы, гото-

вишь их любимые блюда, параллельно строя свою карьеру, чтобы они тобой гордились, а как чуть что-то идет не так... Это все будто бы не учитывается. Ну, было и было. Что ж теперь? А мы все равно, знаешь ли, останемся с папой.

– Привет, – бубнит Сережа, ныряя на заднее сиденье. Следом появляется и Лешка. Оба отводят глаза и выглядят не слишком счастливыми.

– Привет. Ну как вы? Я вот ужасно соскучилась.

– Поэтому ты и не приехала за нами вчера?

– Папа не предупредил меня, что вас надо забрать. А у меня было много работы. – Руки дрожат, когда я, включив поворотник, выруливаю со стоянки. – Как дела? Что новенького?

– Ничего, – бурчит Сергей. Они с Лешкой совсем не похожи. Сергей больше перенял от отца, а Лешка в мою породу. Да и по характеру они совсем разные. Даже странно, что дети проявили такое единодушие в выборе места жительства. От Лешки я точно такого не ожидала. Все же он больше мамин сын. Ласковый и заботливый.

– Как вы справляетесь с тем, что случилось?

– Никак! Ждем, когда ты вернешься домой.

– Сереж, боюсь, этого не будет. Мы с папой решили...

– Почему ты нас бросила?

– Эй! Ну-ка посмотри на меня! Я никого, слышишь, никого не бросала! Ваш отец полюбил другую женщину, и мы приняли решение расстаться. Но это касается только наших

отношений с папой. Вы – как были моими детьми, так ими и останетесь. Я вас очень-очень люблю. И рассчитывала, что вы будете жить со мной. В той квартире, что на Вишневского, помните?

– Я не хочу переезжать!

– Мы хотим, чтобы вы помирились с папой, – перебивает брата Леша. – И нам не надо никаких других женщин!

– И ему тоже... – добивает меня Сергей.

С губ срывается нервный смешок. Вести машину в таком разболтанном состоянии не лучшая идея. Я сворачиваю к Макдональдсу, с которым мы как раз поравнялись. В обычной ситуации Серый с Лешкой пришли бы в восторг от возможности закинуться запрещенкой, но сегодня у них ноль энтузиазма. Мелькает подозрение, что Моисеев о многом умолчал, рассказывая о причинах нашего расставания. А значит, нам предстоит не самая простая беседа.

– Боюсь, у вашего папы на этот счет другое мнение.

– А? – из-за затянувшейся паузы дети теряют нить разговора. Я же понятия не имею, как вернуть их в нужное русло – повторить, что их отец разрушил наш брак, потому что не смог удержать член в трусах? Нужны ли такие подробности парням одиннадцати лет? С другой стороны – какой у меня выбор. Как еще объяснить детям, что в крушении нашей семьи нет моей вины? Господи, мне бы самой поверить, что это происходит в реальности! Иной раз кажется, что мне просто снится кошмарный сон, проснусь – и ничего не было.

– Ваш папа полюбил другую женщину. Вряд ли он захочет, чтобы я вернулась. И если честно, я тоже к этому не готова.

– Почему?

– Потому что достойна лучшего.

– Папа не хотел тебя обидеть!

– Да, – покладисто киваю я. – Так просто получилось. Это не такая уж и редкость. Только знаете что? Как бы не сложились наши отношения с папой, это ничего не изменит в моем отношении к вам. Я очень-очень вас люблю. Вы мои сладкие пирожочки, – треплю их за еще по-детски округлые щеки.

– Ну мам!

– Молчу! – смеюсь. – Что закажем?

Малышня неохотно переключается на меню, но, набив рты гамбургерами и картошкой фри, сыновья очень быстро оттаивают и, перебивая друг друга, принимаются рассказывать о том, что случилось в их жизни за последние сутки. Становится ясно, что съезжать от отца парни не собираются. А все мои попытки убедить детей воссоединиться заканчиваются их неуверенным обещанием навестить меня на выходных. Голова гудит... Почему-то я до последнего верила, что смогу повлиять на решение мальчиков. А теперь... Я даже не знаю, что делать. Это же и классного руководителя надо предупредить, и объясниться со своими родителями, я уж молчу обо всех остальных, кто неизбежно узнает о случившемся. Нетрудно догадаться, что желание детей остаться с

отцом будет воспринято посторонними как их отказ от матери. Ну а поскольку от нормальных матерей дети обычно не отказываются, ясно, что крайней в этой ситуации окажусь именно я. Господи...

Кусок курицы становится поперек горла. Хватаю банку с колой, присасываюсь к трубочке, гася разрастающийся в груди пожар ледяной шипучкой. Да как так-то? Как они могли его выбрать? Предатели! Из-за набежавших на глаза слез не сразу получается разглядеть, как мне кто-то машет из-за соседнего столика. Навожу фокус и удивленно вскидываю брови. Надо же! Блондинчик из спортзала. Впрочем, чему я удивляюсь? Где еще могли пересечься наши пути, как не в Макдональдсе? Вряд ли этому мальчику по карману места, в которых я ужинаю обычно.

– Доели? Вытирайте руки, отвезу вас... – бормочу, тщательно оттирая пальцы салфеткой.

Везу сыновей к папе. Прежде чем с ними попрощаться, сглатываю горькие слезы:

– Ну, пока?

– Что, даже не поднимешься? – хмурится Сергей.

– Не хочу мешать вашему отцу.

– Его и дома, наверное, нет.

Да? Десятый час. С ней он, что ли?

– Забегайте лучше вы ко мне. В любой момент. Я вышлю точный адрес, вы же наверняка не помните. И... Звоните почаще, ладно? Я на связи в любое время.

Протиснувшись между кресел, зацеловываю этих упрямых гадов. Я – мать, и, наверное, что бы они ни сделали, моя любовь не уменьшится ни на йоту.

– Ключи не потеряли?

– Нет! – синхронно закатывают глаза. – Пойдем, Лех...

Дожидаюсь, когда детвора зайдет в парадную. Выезжаю на дорогу, перезванивая Стаське, которую дважды сбросила, не желая с ней говорить при детях.

– Извини, Стась. Не могла ответить. У меня аврал по всем направлениям. А у тебя как? Что-то серьезное?

– Зависит от того, удалось ли мне тебя убедить делать совместный бизнес. Если да – тянуть нет смысла. Нам предстоит куча работы и встреча с папой.

– Встреча? – почему-то теряюсь я.

– Ну, да. Он же у меня бизнесмен до мозга костей. Не даст ни копейки, пока не поверит в то, что наша затея окажется рентабельной.

– Ты же говорила, даст... – хмурюсь я.

– Конечно. Если мы не облажаемся на презентации.

– Господи...

– Да не бойся ты, Юль! Это совсем не страшно. Папа у меня – мировой мужик. Но спросит строго – тут без вариантов. Скидки на то, что я его дочь, не будет. Да и на кой нам скидки, правда? Так даже интереснее.

Голос Стаськи сочится энтузиазмом. Ее шальная кипучая энергия несется по радиоволнам мне в ухо, подпитывая раз-

ряженную в ноль встречей с детьми батарейку.

– Ну, не знаю, Стась. Я на таком уровне никогда не работала. Презентация... Бизнес-план. У меня от одних этих слов мороз по коже.

– Да это вообще не проблема, что ты! У меня ведь уже давно все готово. Может, встретимся? Еще раз посмотришь мои наработки, предложишь свои идеи...

– Ну, заезжай, чего уж. Я буду дома минут через сорок. Я успеваю вымыть руки и заказать доставку продуктов, когда домофон оживает.

– Привет! А вот и я. Это тебе!

– Цветы? Стаська... – забираю из рук подруги букетик тюльпанов.

– Просто порадовать.

– Тебе удалось. Проходи в кухню. Сейчас принесут ужин...

На самом деле Стаська напрасно думает, что я не уделила должного внимания ее предложению. Я много о нем размышляла. Пусть в тот момент ее проект казался мне скорее несбыточной мечтой, это не мешало мне его продумать, вплоть мелочей. Девчонкой я училась в художественной школе и имела большую намеренность, так что я сосредоточилась на дизайне и упаковке. А мой огромный опыт ведения соцсетей стал неплохим подспорьем в плане разработки стратегии продвижения. И вроде бы я проделала большую работу, но на фоне разработки рецептуры, организации

производства и налаживания сбыта это казалось сущей мелочью. Ни о каком равноправном партнерстве в такой ситуации и речи не могло быть...

– Юль, – щелкает пальцами Стаська. – Ты в порядке?

– Нет! Кажется, у меня паническая атака. Как подумую, сколько головняков на повестке...

– Так это же хорошо. Отвлечешься от жизненных перипетий.

– Наверное.

– Значит, ты в деле?

– Ага. Но страшно, аж дух захватывает. – Взгляд задерживается на часах, глаза округляются: – Вот это мы засиделись, Стаська!

– То ли еще будет. Привыкай. В ближайшие полгода это станет нашим привычным режимом.

– Почему полгода?

– Потому что именно этот срок я нам отвожу на то, чтобы выйти на рынок с базовыми продуктами.

– А ничего больше ты не придумала? – возмущаюсь я. – Это же нереально.

– Посмотрим. Папа говорит, что перед собой надо ставить или амбициозные задачи, или не ставить их вовсе.

– Я твоего папу заранее боюсь. Спасибо. Удружила.

– Так ты прозвонишь своих поставщиков?

– Конечно. Я ручаюсь за этих ребят.

Утыкаюсь в телефон, чтобы проверить, не потеряла ли

контакты супружеской пары, на производстве у которой мне однажды довелось побывать, и спотыкаюсь на сообщении с незнакомого номера. Безо всякой задней мысли щелкаю на иконку и застываю с открытым ртом, потому что вместо сообщения там фотка блондинчика из спортзала. Весьма порнографическая, надо сказать, фотка. Твою ж мать! Вот это детки пошли, а! Одна мощная ручища держит телефон, вторая наяривает весьма недетский, блин... ну вы поняли. Все та же нахальная улыбочка – знает ведь, что хорош, и нагло этим пользуется. Гаденыш.

«Я, конечно, понимаю, что наглость бесплатна, но ты не охуевай», – строчу, хотя, наверное, было бы правильнее его тупо заблокировать. – «Если узнаю, что ты взял мой номер в клубе – подам на них в суд».

– Юль, ты меня слышишь вообще? – окликает меня Стаська.

– Да. Прости. Что ты сказала?

ГЛАВА 6

– У меня отличные новости! – кричит в трубку Алка. –

Нам назначили предварительное заседание. На восьмое.

– Супер, – мямлю я, перестраиваясь в правый ряд.

– А что с энтузиазмом, Юль?

Вздыхаю. Ответить мне нечего. За последние десять дней я пережила все стадии шока. Отрицание, злость, торг. Значит, где-то там впереди маячит принятие. Но пока до него далеко. Меня затягивает в депрессию. И чем больше проходит времени, тем сильнее я в ней увязаю.

– Я все думаю, Ал, может, мы поспешили?

Малодушное замечание, я в курсе. Поэтому мой голос звучит непривычно робко, я бы даже сказала – заискивающее. Будь на месте Алки кто угодно другой, мне бы было легче. Но Рындина – кремень. Рындина – суперженщина. Такой признаваться в своей слабости сложно. Но еще сложнее поддерживать видимость, что я не сдулась, как дырявый гелиевый шар.

– Нет, – после затянувшейся паузы отмечает мои сомнения прочь подруга.

– Нет?

– Нет. Эта тварь уже постит фоточки с твоим мужем, так о какой спешке речь?

– Я не знала... – шепчу растерянно.

– Еще бы. Ты же у нас выше этого.

– Ага! На кой мне подробности, правда?

– Конечно, – пыхтит сигареткой Алла. И тут же, противореча сама себе, интересуется: – Дать пароль от моей фейковой странички?

– Да! – выпаливаю я.

– Лови. Только, Юль, давай без драмы?

– Постараюсь.

То, что у Рындиной есть фейковая страничка в инсте – факт давно известный. Алка утверждает, что соцсети – отличное подспорье в ее работе. Через них можно получить любые данные, найти фото даже самой непубличной личности и вычислить ее местоположение, а по схожим ракурсам на опубликованных разными людьми снимках сопоставить, кто и с кем сейчас спит, или против кого дружит. Такие расследования – важная часть работы, когда ты юрист в сфере семейного права.

Ну, здравствуй, Лена-ноготочки-Любавино.

Подпрыгивая от нетерпения, с трудом нахожу место для парковки и, наконец, открываю сторис Эдиковой выдры. Ну-у-у... Стандартный набор. Видно, что до развода Моисеев не хочет светиться с другой бабой, но, как и всякий влюбленный дебил, ведется, когда она фотографирует то их лежащие на торпедке руки, то его затылок, который я бы узнала из тысячи... А вот и нескромный букетик «от Э...». Следом – снимок девицы в ресторане. В ее лапках с короткими тол-

стоватыми пальцами – его рука. Рука, держась за которую, я планировала и дальше идти по жизни. Не судьба, да... И черт с ним! Это еще как-то можно пережить. Но то, что игре сыновей Эдик предпочел встречу с любовницей... А как врал, мудака, а?! Как врал! «У меня налоговая проверка», – говорил. – «Я не могу, Юль. Давай, вы как-нибудь сами».

Злость подкатывает к глотке и требует выхода. Разлогиниваюсь, на эмоциях открываю журнал вызовов, но, слава богу, вовремя прихожу в чувство и, отвесив себе мысленную затрещину, выскакиваю на свежий воздух остыть.

Нет-нет! Они не дождутся ни моих истерик, ни, тем более, униженных просьб...

Решительно иду к арене ледового. Сливаюсь с толпой других родителей и пришедшей поглазеть на игру детворы. До начала пять минут. А мне еще предстоит найти свое место.

Я отбитый на всю голову болельщик. Это при том, что хоккей, как таковой, меня вообще не интересует. Но когда на лед выходят мои сыновья, во мне просыпается одержимость. Я свищу, топаю ногами, срывая горло, ору кричалки и размахиваю шарфиком в цветах нашей команды. Обычно это вдохновляет мальчишек, но сегодня что-то идет не так. Сыновья играют из рук вон плохо. Серый и вовсе срывается, отлупив клюшкой какого-то бедолагу. В ужасе прикрываю ладонью рот. Трибуны гудят. Сережу удаляют. Тренер злится. Впрочем, как и остальные ребята.

Шесть – два!

В предчувствии разборок, едва переставляя ноги, плетусь к тренерской.

– Юлия Владиславовна, на две минуты!

Серый с Лешкой стоят, повесив носы. Спасибо, хоть не при всех нас отчитывают.

– Я не понимаю, что происходит с вашими парнями! Они в последнее время окончательно отбились от рук. У вас все нормально? – громыхает Кириллов, вытирая полотенцем залитое потом лицо.

Ч-черт. И тут бери, исповедуйся... Как это задолбало! Я еще после разговора с родителями не отошла, а тут снова, здравствуйте.

– Не сказала бы. Видите ли, мы с отцом мальчиков разводимся, поэтому им сейчас нелегко. Вы уж будьте с ними помягче, ладно?

– А раньше нельзя было сказать? – презрительно сплевывает на пол тренер. – У меня вся защита посыпалась.

– Ну, извините! Как-то не подумала я о защите, – огрызаюсь и, подстегиваемая эмоциями, делаю шаг к двери тренерской, которую Кириллов за нами прикрыл.

– Стойте. Я не хотел вас обидеть, просто... – Александр Викторович ерошит пятерней короткие волосы. – Просто плохо, что я не в курсе психологического состояния своих спортсменов. Это ведь очень важно.

– Я понимаю. Постараюсь исправиться, – сухо обещаю я.

– Обижаетесь?

– Нет. У меня и без этого хватает забот. У вас все? Мы можем ехать?

Голос дрожит. И дело совсем не в Кириллове, который, как и всякий физрук, груб и не отёсан. Просто одно к одному. Развод, девка эта, обман Моисеева... Словом, паскудный день.

– Да, конечно, – как будто теряется Александр Викторович. – Юлия! – окликает меня, но я уже не оборачиваюсь. – Юля...

– До встречи. – Ухожу, чтобы не разрыдаться как дура. Как-то неожиданно мощно меня накрыло. Догнало осознанием.

– Ребят, одевайтесь. Я вас в машине подожду.

Успеваю даже всплакнуть, пока сыновья собираются. Они у меня копуши. Успокаиваю себя мыслью о том, что бывают ситуации и похуже. Например, что бы я делала, если бы зависела от мужа финансово? А ведь так вполне могло оказаться – Эдик не пришел в восторг, когда я вернулась к работе едва ли не сразу же после рождения мальчиков. Мне же казалось унижительным просить деньги у мужа. Да и в принципе хотелось развития. Хорошо, что я его не послушалась, да... И просто прекрасно, что мне было куда от него съехать. Если так разобраться, у меня есть все для нормальной жизни – любимое, приносящее хороший доход дело, здоровые дети. Которые предпочли остаться с папой, да... Но я же вижу, как стремительно тает их энтузиазм. Да они же уже сейчас

на голом упрямстве держатся, потому что не могут признать, как лоханулись! В общем, все у меня нормально.

Когда сыновья, наконец, рассаживаются по местам – отдаю им свой телефон, чтобы те выбрали ужин по вкусу.

– Ты что, себе совсем не готовишь?

– Ага. Некогда.

– А я скучаю по твоему борщу, – признается Лешка.

– Что ж не сказал? Я бы сварила. В следующий раз буду знать, чем вас порадовать.

– Угу.

Поговорили, блин. Ну, да ладно. Вряд ли что-то может сделать этот день хуже. Ужинаем, вяло болтаем. Неразговорчивость сыновей меня не пугает. Я не верю, что могла так быстро утратить контакт с детьми. Скорее они просто устали.

– Я спать.

– Я тоже... – вскакивает из-за стола Лешка.

– Я постелила вам в большой спальне.

– На одной кровати?

– Ну, извините, – развожу руками.

– И как ты планировала, чтобы мы с тобой жили? – возмущенно бормочет Сережа.

– Если бы вы согласились, я бы что-нибудь непременно придумала! – рявкаю в ответ, потому что реально, блин, задолбал. Тоже мне – принц датский.

Видя, что мое терпение на исходе, мальчики уходят, бор-

моча под нос что-то невнятное, а меня аж трясет. Да, здесь бы у них не было отдельных комнат, но это не означает, что мы не смогли бы нормально разместиться и наладить комфортный быт. Было бы желание, правда?

Гремя посудой, убираю со стола. Стираю крошки, загружаю посудомойку. Телефон молчит – даже блондинчик из спортзала не пишет, хотя он регулярно давал о себе знать, наплевав на мой запрет. То фотки мне присылал (нормальные, без обнаженки) – одну с катка и еще одну – из зала, то ссылку на протеин, сопроводив ту короткой припиской, что с ним моя попа станет еще аппетитнее. Я решила ему не отвечать, но и блокировать тоже не стала. Было интересно, как надолго мальчишки хватит. К тому же наличие поклонника, пусть даже такого сомнительного, оказалось отличной подпоркой для моей пошатнувшейся самооценки.

Залогинившись под Алкиным паролем, от нечего делать опять захожу в сториз к Эдиковой «любви». Может быть, за последние дни я ударилась в мазохизм – не знаю, как еще это объяснить. С новой фотки на меня смотрят мясистые титки, в ложбинке которых поблескивала подвеска Ван Клиф. Да, далеко не самая дорогая в коллекции, но все же. Лично я даже вспомнить не могу, когда Эдик в последний раз мне что-то дарил. Вот так, да? Я не заслужила, а эта... От злости и ощущения лютой несправедливости простреливает в висках. Во мне как будто и впрямь что-то рушится в этот момент, вспарывая зазубренными краями душу. Вскакиваю на

ноги. Диковато оглядываюсь по сторонам. Мне кажется, на эмоциях я бы разнесла всю квартиру, если бы в ту секунду не зазвонил телефон.

– Да, Александр Викторович? Ч-что-то случилось? – голос срывается, а зубы стучат так, что я боюсь, как бы ему это не было слышно.

– Хочу еще раз извиниться. Я, наверное, брякнул какую-то хрень. Но это оттого, что ты мне всегда нравилась.

Беру паузу, чтобы осознать сказанное. Так... Так! Похоже, я готова сотворить какую-то дичь. Но и черт с ним!

– А сейчас нравлюсь?

Надо отдать Кириллову должное – теряется он недолго.

– Сейчас даже больше прежнего.

Диктую свой адрес.

– Приедешь – наберешь, я выйду.

Я выйду?! Господи, что я, на хрен, творю?! А, собственно, что? Разберусь по факту! И снова я хватаюсь за телефон.

– Лерка!

– Что?

– Кажется, я собралась согрешить! – выпаливаю в трубку.

– Ну-у-у, если грех красив, высок, широкоплеч и хорошо сложен, то почему бы и не взять его на душу? В старости отмолишь, – смеется подруга.

– Думаешь? – с отчаянием дергаю волосы.

– А что, он в самом деле хорош?

– Не знаю. Мы давно знакомы, но по понятным причинам

я никогда не примеряла его на себя.

– А сейчас что изменилось?

Скатываюсь по стенке на пол:

– Я залезла на страничку к Эдиковой девке. Представляешь, он соврал, что у него дела. Не приехал на игру мальчиков. А сам с ней. Нет, ладно, я... Хрен с ним, да? Но дети... Дети тут при чем, Лер?! Мне за них обидно – капец. Они же с ним остались, они его боготворят! А он врет... Так втупую врет. Я что, совсем, выходит, его не знала? Еще и Ван Клиф этой твари дарит... А мне знаешь что в начале сезона сказал? Что я сыновьям купила слишком дорогую снарягу! – прорывает меня.

– Так, все с тобой ясно. Одно не пойму, откуда в этом уравнении греху было взяться?

– В смысле – Александру Викторовичу? Так он всегда был. Говорит, я ему давно нравлюсь.

– Постой. Какой еще Александр Викторович? Ты на свидание идешь или на прогулку с динозаврами?

– Нет-нет, ты не поняла. Он молодой. Я к нему по отчету, потому что он вроде как тренер.

– Вроде как? – иронизирует Лерка.

– Тренер. У него Сережа с Лешкой года три уже занимаются. Ой! Он звонит... Я потом тебя наберу, ладно?!

Несусь в коридор, достаю ветровку. Я, наверное, сто раз пожалею об этом, но сейчас, кажется, Алка права – надо рубить канаты, иначе меня просто разорвет на части.

– Подъехал? Я выхожу...

Господи, а смысл? Уехать я не уеду, потому что не оставлю одних сыновей. Пригласить Кириллова к себе из-за них же не смогу тоже. Что нам остается? Перепехнуться в его тачке? Господи, да что угодно.

Вот же сволочь. Не Саша, Эдичка... Что его не устраивало? Я не пойму, что?! Где я, а где эта долбаная Ариша!

– Привет, – хриплю я, распахивая пассажирскую дверь.

– Привет, Юль. Представляешь, оказывается, мы живем совсем рядом.

– Круто, – сажусь в салон, озираясь по сторонам. – Сдай к трансформаторной будке. Там удобный карман. Поговорим спокойно.

Ага, блин, все же туда ездят поговорить!

Если Александра Викторовича и удивляет мое поведение, то он этого никак не комментирует. Делает, как прошу, ловко паркуется и гасит фары.

– Так о чем разговор, Юль? Мы же на ты, я правильно понимаю?

Я оборачиваюсь. Несколько секунд смотрю в его поблескивающие в темноте глаза и... обхватив голову руками, целую.

ГЛАВА 7

– И что, серьезно? Вот прямо пять сантиметров? Пять?!
– Алка раздвигает большой и указательный палец, будто в попытке постичь, как это вообще возможно.

– Ну, или шесть. Не больше, – залпом опрокидываю в себя шот. Баром заведует Стася – наша сходка впервые происходит на ее территории, потому что изначально мы планировали поработать.

– М-да, – резюмирует Алла. – Так проблема в размере? Или в том, что наш Санек скорострел?

– Да какая разница? – истерически всхлипываю. – То, что он скорострел, меня, напротив, спасло от позора. Ну что бы я с его пипеткой делала, если бы дело дошло до главного? А так он только в руку ее вложил и... – хрюкаю. – Кажется, у меня теперь моральная травма.

– А у него? – прячет улыбку Лерка.

– Надеюсь, что нет!

– Ты от него убежала, и второй день не берешь трубку, – мягко напоминает Стася.

– Справедливости ради, я сослалась на то, что не готова к новым отношениям, – проясняю я ситуацию.

– Ага. И поняла это, как раз когда он зафальстартит, – иронизирует Лера.

– Слушай, ну а что мне надо было сделать? Поставь себя

на мое место! Знаешь, скольких сил мне стоило на это решиться? И ради чего, спрашивается?!

– Не повезло, – философски замечает Алка.

– Это точно, – киваю я. – Девочки, а мне это вообще как... засчитывать?

– Ты про что? – округляет глазищи Стася.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.